

ГЛАВА 2

ПРЕПОДОБНЫЙ САВВА ОСВЯЩЕННЫЙ И ПРОИСХОЖДЕНИЕ ВСЕНОЩНОГО БДЕНИЯ

Надписание современного типикона Русской Церкви «Типикон, сиречь изображение церковного последования во Иерусалиме святых лавры преподобного и богоносного отца нашего Саввы. Тоже последование бывает и в прочих во Иерусалиме честных обителях, подобно и в прочих святых Божиих церквах» — указывает на принадлежность чина всенощного бдения в первую очередь лавре преподобного Саввы Освященного. Имя сего преподобного отца таким образом оказывается тесно связанным с иерусалимским уставом, а этот последний — с чином всенощного бдения. В самом деле, преобладающее большинство списков иерусалимского устава, за очень небольшим исключением, содержащих чин всенощного бдения, надписываются как устав лавры Саввы Освященного.

Первым мысль о принадлежности иерусалимского устава творчеству преподобного Саввы Освященного высказал Симеон Солунский (XV в.): «В обителях, — говорит он, — и почти во всех церквах соблюдается чин одного иерусалимского устава святого Саввы, потому что его можно совершать и одному, так как он и составлен для монахов, и он часто выполняется в киновиях без пения. Конечно, это учреждение вызвано необходимостью и есть дело отеческого благоусмотрения. И святой отец наш Савва начертал этот устав, приняв его от святых Евфимия и Феоктиста, а они приняли его от бывших прежде них и от исповедника Харитона. Начертание устава Саввы Освященного, затерянное, при опустошении того места варварами, впоследствии, при своем трудолюбии, изложил патриарх святого града, святой отец наш Софроний. После него этот устав возобновил божественный отец наш и богослов Иоанн Дамаскин и, написав, предал его (для употребления)»¹.

Свое предположение о начертании преподобным Саввой иерусалимского устава Симеон Солунский, очевидно, основывал на сообщении биографа преподобного Саввы, Кирилла Скифопольского², который говорит, что Савва Освященный, чувствуя приближение своей кончины, созвал братию лавры, поставил им вместо себя нового игумена, которому заповедал хранить данный им лавре устав, причем самый устав вручил своему преемнику в письменном виде³.

В прошлом столетии мысль о происхождении иерусалимского устава из-под пера преподобного Саввы Освященного высказывал Преосвященный Филарет Черниговский; в правилах, врученных преподобным Саввою в письменном виде своему преемнику, игумену Мелиту, он видел список богослужебного Саввинского устава, а не правила общежития и нравственного устройства лавры. «Эти слова Кирилла не оставляют никакого сомнения в том, что святой Савва оставил после себя письменный устав для своих палестинских монастырей. Напрасно некоторые говорят, что у Кирилла выставляются правила общежитий для устройства нравственности и потому это совсем не то, что известный ныне устав церковного последования святой лавры иерусалимской святого и богоносного отца Саввы, соблюдающийся и в других святых монастырях иерусалимских, из 59 глав. Ибо Кирилл ничем не дает знать, что под правилами разумеются нравственные правила, а не правила церковного служения. В самом жизнеописании Кирилла видим, что правила, которые по временам назначал святой Савва для лавры, относились именно к церковному последованию»⁴.

Так же смотрел профессор протоиерей А. Горский, утверждавший, что «на Востоке издревле вошел в общее употребление устав церковной службы, составленный

преподобным Саввою Освященным († 532 г.) для основанной им близ Иерусалима лавры»⁵.

Вопрос содержания «Правил преподобного Саввы» оставался спорным до конца прошлого столетия, и отсюда представлялось широкое поле для всякого рода предположений о их значении, а следовательно и об авторстве преподобного Саввы, как составителя иерусалимского устава и чина всенощного бдения. Автор «Полного месяцеслова Востока» архиепископ Владимирский Сергей рассматривал их как ктиторский устав, касающийся, прежде всего, частных сторон богослужения и благоустройства монастырей, основанных преподобным Саввою⁶.

Профессор И. Д. Мансветов считал, что запись правил, данных преподобным Саввою Мелиту, «обнимала главные правила монашеского бытия и, может быть, была изложена в виде завещания, в котором настоятели имели обыкновение передавать свою волю и наставления братству... Это краткое изложение дисциплинарных порядков со временем стало пополняться замечаниями литургического содержания и принимать обычаи из других церковных местностей»⁷.

Архимандрит Антонин о принадлежности иерусалимского устава лавре преподобного Саввы писал: «Так называемый Саввинский устав не был никогда измышлением монастыря святого Саввы, а и был всегда и теперь есть всеобщий устав православной церкви, слагавшийся мало-помалу от самых времен апостольских, главным образом в Палестине, и оттуда расходившийся по отдаленным пределам земли. Трудлюбие же иноков обители богоносного отца только извлекло его из часословов, октоихов, миней и триодей и прочего и изложило в виде одной справочной книги»⁸.

Все приведенные мнения о принадлежности иерусалимского устава, а, следовательно, и чина всенощного бдения, творчеству преподобного Саввы Освященного, в одних случаях более близкие к истине (профессор Мансветов и архимандрит Антонин), в других далекие от нее (архиепископ Филарет, протоиерей Горский и архиепископ Сергей), продолжали оставаться только предположениями, так как сами «Правила» преподобного Саввы, переданные им перед смертью в письменном виде его преемнику игумену Мелиту, оставались для науки неизвестными.

Счастлирое открытие их профессором А. А. Дмитриевским положило конец всем предположениям и дало возможность определить отношение преподобного Саввы к приписываемому ему уставу. «Правила» представляют собой документ следующего содержания:

«Образец, правило и закон честныя лавры святого Саввы. Должно соблюдать правила, установленные преподобным и блаженным отцом нашим Саввою.

Ни в коем случае не принимать в лавру евнуха или безбородого; женщинам же для молитвы нельзя входить не только в лавру, но даже в метохи, и в особенности за вторую дверь великого метоха. Кто же из монахов лавры будет замечен, что он входит в монастырский гинекон, с целью поесть, попить или побыть в нем или под предлогом охраны, или для пострижения, или для исповеди, или что он пишет и взаимно получает письма, или вообще имеет знакомство с женщинами, или заводит кумовство, то да будет удален из братства, как виновник соблазна не только для христиан, но и для язычников.

Не иметь права ни грузинам, ни сирийцам или франкам совершать полную литургию в их церквах, но собираясь в них позволительно петь часы и изобразительныя, читать апостол и евангелие на их природном языке, а после сего входить в великую церковь и причащаться со всем братством вместе божественных и пречистых и животворящих таин.

На гробе святого (то есть Саввы) пролитургию совершать пресвитеру на то определенному.

Не иметь права вообще никому выходить из лавры в субботу ввиду имеющего быть всенощного бдения, помимо нужды и дела монастырского, но после бдения пусть идет по нужде своей с дозволения настоятеля или еклисиарха. Не бывшему же на очередном бдении пусть ничего не принимается в извинение, потому что довольно ему целой предыдущей недели, чтобы управиться со своими нуждами, даже и это, если возможно, делать однажды в месяц.

Удаляющиеся в пустыни и в них подвигающиеся, если они делают это с согласия и благословения настоятеля, пусть принимаются со своими нуждами, если же они вышли (разумеется, из монастыря) самовольно, из желания жить на свободе, по возвращении пусть не принимаются.

Кто же промыслом Божиим и по определению патриарха будет избран или в митрополита или в епископа или в игумена другого монастыря или на какую-нибудь степень великой церкви, то не иметь ему права своей кельи, находящейся или в лавре или в метохе, или совершенно продать или подарить ее, но принадлежит это право святой обители; и прочим достойным и нуждающимся братьям получать их от игумена. То же самое должно соблюдать и в отношении умерших братий: без разрешения и воли игумена не иметь права никому оставлять собственную келью своему ученику.

Если бы случился раздор между некоторыми братьями и это дошло бы до того, что они начали бы бить друг друга и налагать руки, таковых, если они не примирятся, и не пожелают быть в братской любви, как нарушителей спокойствия и противников заповедей Христовых, изгонять, ибо рабу Господню не подобает свариться, как говорит божественный апостол.

Кто же из братьев замечен будет в пьянстве и в ссорах с кем-нибудь, или в нанесении обид, или в составлении товарищества, или партий, то да исправится или пусть удалится. То же самое и относительно послушания: замеченный в воровстве да удален будет со своего послушания, ради исправления принимая епитимию и покаяние, и пусть не выходит из своей кельи, за исключением определенных часов богослужебных собраний и молитв.

Относительно намеревающихся безмолвствовать и не приходить в церковь и относительно принимаемых опять для совершения затвора, мы желаем, чтобы они сходились с прочими (братьями) только на всенощные бдения. Относительно же живущих по городам и деревням, — в дни памяти святых и в прочие праздники быть в совершенном покое, ибо безмолвие на деле может принести пользу гораздо лучше, чем на словах.

Приходящих иностранных гостей, если некоторые хотят положить «начал» в лавре, то принимая их в течение семи дней будем покоить их, если же гости из живущих в городе или из окрестностей и явились на поклонение, то довольно для них и 3 дней. Очищение (гостиниц) необходимо ввиду множества ежедневно приходящих бедняков.

А так как демоны причиняют вред при избрании игуменов, обычно возбуждают раздор и ссоры между двумя народами, то есть между римлянами и сирийцами, порождающие из себя соблазн, то мы определяем: отныне никого из сирийцев не возводить в степень игумена, но в эконома и дохиарные и на другие послушания мы завещаем и позволяем предпочитать сирийцев как людей способных и деятельных в их отечестве»⁹.

«Правила» носят на себе следы позднейших к ним дополнений. Само их название «Образец, правило и закон честных лавры святого Саввы» не могло выйти из-под пера преподобного Саввы. Оно, как и следующие за ним первые строки — «Должно соблюдать правила, установленные преподобным и блаженным отцом нашим Саввою» — представляет вводную надпись к самим «Правилам» преподобного Саввы,

принадлежащую одному из позднейших их переписчиков. Имеются и в самих правилах вставки позднейшего происхождения, а именно упоминание о франках, появившихся в Палестине значительно позднее кончины преподобного Саввы — в эпоху крестовых походов, и указание на совершение пролитургии на гробе преподобного Саввы.

Наряду с этими позднейшими вставками, «Правила» тем не менее носят характер подлинного завещания преподобного Саввы, как отражающие в себе те установленные им в лавре порядки, о каких говорит его биограф Кирилл Скифопольский. Так, в запрещении «Правил» сирийцам и грузинам совершать отдельно от прочей братии лавры литургию отражается повеление преподобного, данное им еще при жизни братьям из армян приходить к литургии и причащаться святых таин совместно со всей братией лавры, как сообщает Кирилл¹⁰. То, что «Правила» говорят о сирийцах и грузинах¹¹, а Кирилл говорит о запрещении отдельного совершения литургии армянами, не составляет никакого противоречия; важен вопрос по существу. Преподобный Савва, в целях устранения всякой национальной розни между братьями, запрещал отдельное совершение литургии иноками других национальностей лавры, и в этом смысле «Правила» только подтверждают то, что он проводил в жизни.

«Правила» говорят еще об обязательном присутствии всей братии лавры на всенощных бдениях, совершаемых с вечера на воскресные и праздничные дни. Это указание «Правил» соответствует сообщению Кирилла¹².

«Правила» говорят об удаляющихся в пустыню на время из лавры с согласия настоятеля и подвизающихся там иноках. Этому обычаю придерживался еще учитель преподобного Саввы, преподобный Евфимий, и Савва Освященный заимствовал это от него и также свято соблюдал, о чем сообщает Кирилл¹³.

Наконец, что касается последнего указания «Правил», запрещающего поставлять игумена из сирийцев, то оно также становится понятным в свете сообщений Кирилла Скифопольского о тех нестроениях, какие имели место в лавре преподобного Саввы при его жизни и которые доставили так много огорчений преподобному¹⁴.

Вся богослужбная часть «Правил», как видим, ограничивается указанием преподобного Саввы на совершение грузинами и сирийцами отдельно от прочего братства лавры на их языках часов и изобразительных, на отправление всем братством лавры под воскресные и праздничные дни агрипнии и причащении всего братства лавры за одной литургией, общей для иноков всех национальностей. Этим, собственно, литургическая часть «Правил» ограничивается.

Не видно и из самого жития преподобного Саввы, чтобы он занимался составлением богослужбного устава. Кирилл с большим трудом собирал от учеников преподобного все сведения о нем и с исключительной обстоятельностью описал житие преподобного Саввы. Если бы преподобный Савва действительно проявлял деятельность в части составления богослужбного устава или редакции отдельных его чинопоследований, Кирилл об этом не умолчал бы. Едва ли мог преподобный Савва при его смирении осмелиться составлять свой богослужбный устав или редактировать уже существовавший при нем. Трудно себе представить, чтобы он, не дерзая принять священный сан и прибегая к услугам «некого чюжа попа соуща», осмелился давать последнему какие-либо свои богослужбные чинопоследования.

В житии преподобного Саввы перед нами встает образ великого христианского подвижника, исполненного дара чудотворений, ревностного блюстителя церковных установлений и выдающегося церковного деятеля. Он основал три лавры: Великую, Новую и Гептастом (Семиустную) и четыре киновии: Каstellийскую, Пещерную, Схолариеву и Заннову¹⁵. Духовное благостояние палестинского монашества и благоустройство монастырей составляло его постоянную заботу, поэтому патриарх

Илия (494–517) поставил Савву архимандритом всех палестинских келлиотов¹⁶. Когда император Анастасий «покушался ниспровергнуть и привести в беспорядок все церковное благостояние в Палестине», патриарх Илия (то было в 511 году) послал преподобного Савву в числе других игуменов в Константинополь ходатайствовать перед императором за Палестинскую Церковь. Кирилл описывает случай, происшедший с Саввой во дворце, показательный для смирения преподобного. Когда все игумены проходили в приемную императора, то служители задержали преподобного Савву в дверях, приняв его за нищего, потому что он был в ветхой одежде с заплатками. Савва остался вне приемной и стал в углу читать псалмы. Император, прочитав письмо патриарха, где было сказано, что в числе делегатов посылается «преподобный Савва, который пустыню населил подобно городу и управляет ею и что он есть светильник всей Палестины», спросил, который из игуменов Савва? Среди присутствующих его не оказалось. Император приказал разыскать преподобного. Когда служители привели преподобного, император поразился его смирению. Еще большим уважением к преподобному Савве он проникся, когда во время беседы с императором игумены стали просить для своих монастырей — кто расположенную близ монастыря землю, кто издания особого указа для своего монастыря, и только Савва ничего не просил. Когда же император спросил его, почему он ничего не просит, преподобный сказал, что он просит «о святом городе Божием Иерусалиме и о его святейшем архиепископе Илие и чтобы в церквах был мир и священнический чин оставался в покое». Делегация была отпущена, а преподобному Савве было разрешено остаться на зиму в Константинополе и беспрепятственно без доклада входить к императору.

Савва провел зиму в Константинополе. Для Палестины это было бурное время. Монофизиты производили смуту и клеветали императору на патриарха Илию, и только заступничество Саввы перед императором спасало патриарха и сдерживало гнев Анастасия. Через год Савва вернулся в Иерусалим, исхлопотав освобождение святых мест Палестины и их жителей от налога, годами незаконно взыскиваемого сборщиками податей¹⁷.

На девяносто первом году жизни преподобный Савва вновь был послан в составе делегации к императору Юстиниану. То было в 529 году. Поводом было тяжелое положение палестинских христиан, вызванное убийствами, пожарами и опустошениями самарян. Преподобный Савва испросил у императора средства на восстановление разрушенных самарянами храмов, освобождения жителей от налогов, материальной помощи нищим и ограбленным самарянами христианам, сооружения в Иерусалиме церкви Богородицы и больницы для странников, а близ его лавры — крепости для ограждения монастыря от набегов сарацын¹⁸. Жизнь преподобного Саввы, полная подвигов служения Церкви и христианам Палестины, по смерти его вызвала особое почитание его лавры, как места его подвигов и упокоения. Сюда после смерти преподобного Саввы перешел из лавры преподобного Евфимия Кирилл Скифопольский. Немного позднее здесь подвизался святой Софроний, впоследствии патриарх Иерусалимский, затем преподобные Иоанн Дамаскин, Косьма Майюмский, Стефан Савваит, Феофан Исповедник, составившие школу иерусалимских песнописцев, и наконец Марк, епископ Отрантский, с чьим именем связаны так называемые Марковы главы Типикона. В конечном счете все это послужило основанием считать самый иерусалимский устав с характерным для него чинопоследованием всенощного бдения творением преподобного Саввы Освященного.

В истории Церкви соединение «под одной крышей» соборного и иноческого богослужения впервые наблюдается в IV веке в иерусалимском храме святого Воскресения. Этерия, описывая святогробское богослужение, неоднократно упоминает о монашествующих как совершителях богослужения, при отсутствии в храме епископа

и его клира. «Ежедневно, — говорит она, — до пения петухов открываются все двери Воскресения и сходят все монашествующие и parthenae, как зовут их здесь»¹⁹. С их приходом в храме начиналось богослужение, состоящее из песней, псалмов антифонов и молитв — «и с этого часа вплоть до рассвета поются песни и стихословятся псалмы, также и антифоны, и после каждой песни читается молитва. Ибо по два или по три пресвитера, также и диакона, ежедневно чередуются с монашествующими»²⁰. Епископ же и его клир приходили к утрени с наступлением рассвета. Этерия говорит, что такой порядок службы был на шестом часе, на девятом и на вечерне; следовательно, во всех случаях начинали богослужение монашествующие, а продолжал его и заканчивал епископ со своим клиром²¹.

В ночь под воскресенье богослужение также начинали монахи, но епископ приходил к утрени много раньше обычного («как только пропоет первый петух, сходит епископ») и, следовательно, уходил из храма до рассвета. В этом случае монахи возвращались и продолжали богослужение до утра («Епископ удаляется в свой дом. С этого же часа все монашествующие возвращаются в Воскресение и поются псалмы и антифоны до рассвета»)²².

Итак, при иерусалимском храме святого Воскресения наряду с клиром епископа были еще монахи, прямой обязанностью которых было совершение в храме богослужения, в то время когда епископ и его клир там отсутствовали. Необходимость такого постоянного чередования богослужения вытекала из особого положения храма Воскресения. Как место нахождения величайшей христианской святыни — Гроба Господня, храм был объектом постоянного притока богомольцев, которые, по словам Этерии, опасаясь не попасть в храм к приходу в него епископа, приходили туда задолго до богослужения и сидели в нем («До пения петухов собирается все множество народа, какое может быть в этом месте, как бы в пасху... И опасаясь не прийти туда к пению петухов, приходят ранее его и сидят там»)²³.

Занятие богомольцев молитвой в целях устранения могущего быть при большом скоплении людей шума и праздных разговоров, очевидно было прямой причиной к установлению такого «дополнительного» богослужения. Эту миссию взяли на себя монахи, для которых такой молитвенный подвиг был обязателен как иноческое молитвенное правило и которые поэтому «всегда готовы (были) в этом месте на бдение ради собирающегося множества»²⁴.

Кто такие были эти монахи, о которых как о постоянных участниках святогробского богослужения говорит Этерия, к какому братству или монастырю они принадлежали и что представляло собой их богослужение с литургической точки зрения в отношении к богослужению, которое совершал иерусалимский епископ со своим клиром, об этом Этерия не говорит. Ответ дает ряд других памятников, связанных с историей Палестинской Церкви и храма святого Воскресения, в частности.

Сюда относится в первую очередь рукопись иерусалимского Крестного монастыря № 43, 1122 года²⁵.

Памятник, излагая богослужебный устав иерусалимского храма Воскресения, как патриаршего кафедрального собора, упоминает об участии в храмовом богослужении монахов, именуемых спудеями, причем их значение при храме характеризует, аналогично Этерии, как совершителей богослужения при отсутствии в храме патриарха и его клира. Так, изложив чин великой вечерни, совершаемой патриархом и его клиром в Неделю ваий, устав говорит: «и тотчас базиликарь начинает чтение Послания святого Павла к евреям, пока не придут спудеи и не начнут во святой базилике агрипнию по уставу воскресной агрипнии»²⁶.

В том же последовании Недели ваий в чине утрени устав говорит: «и тотчас входит патриарх и начинает с клиром канон, спудеи же поднимаются в богородичный спудеев и поют там канон и все последование и отпускают их по уставу (*οἱ δὲ Σποδαῖοι ἀναβαίνουσιν εἰς τὴν Θεοτόκον τῶν Σποδαίων καὶ ψάλλουσι ἐκεῖ τὸν κανόνα καὶ πᾶσαν τὴν ἀκολαθίαν, καὶ ἀπολύονται, καθὼς ἐστὶν ὁ τύπος αὐτῶν*)»²⁷.

Сопоставляя оба приведенные указания Типикона с сообщениями Этерии о порядках отправления богослужения в иерусалимском храме Воскресения, нельзя не увидеть, что оба памятника имеют в виду одно и то же явление — наличие при храме двух видов богослужения — соборного, которое патриарх совершал со своим клиром, и иноческого, совершителями которого были монахи-спудеи. Последние, как и во времена Этерии, начинали агрипнию в прилегающей к храму Воскресения базилике и отправляли ее до прихода патриарха, когда же тот приходил со своим клиром в храм, уходили из него в свой богородичный, где и доканчивали свой чин агрипнии.

Что представляла собой агрипния монахов-спудеев? Ответ на этот вопрос получаем в той же рукописи № 43. Здесь в службе Великой субботы читаем: «Чин агрипнии. В эту ночь в святом Воскресении бывает так: приходят монахи-спудеи и начинают позади Животворящего и всесвятого Гроба без пения (*ἄνευ φωνῆς*), но со смирением и великим страхом: «Благослови, душе моя, Господа», и стихологисуют «Блажен муж» и «Господи, воззвах» и стихиры, указанные выше на вечерне до «Ныне отпускаеши». И тогда совершают литию на святое Краниево место и во святую базилику Константина и во святую Темницу и поют вышеуказанные стихиры и потом входят во врата Мироносиц. И бывает чтение, пока не придет патриарх и начнет шестопсалмие»²⁸.

В агрипнии спудеев мы узнаем вечернее правило псалмопения Нила Синайского с той лишь разницей, что у Нила по окончании правила полагалось подкрепление пищей, спудеи же совершали литию к святыням храма, а затем полагалось чтение, которое продолжалось до прихода патриарха.

С другой стороны, в агрипнии спудеев сохранились черты богослужения Великой субботы, которые отмечала Этерия. Она пишет, что бдение этого дня, в связи с переутомлением богомольцев непрерывным богослужением последних дней страстной седмицы, отличается немногочисленностью. По ее словам, за бдением присутствовали лишь те, кто в силах еще бодрствовать, и совершали его клирики, которые «покрепче и моложе». «В этот день, — говорит она, — не возглашается о бдении в Воскресении, потому что известно, что народ утомился; но есть обычай бодрствовать там. Итак, кто желает из народа и кто может, бодрствует, а кто не может, тот не бодрствует там до утра; клирики же там бодрствуют те, кто покрепче и моложе, и всю ночь поются там песни и антифоны вплоть до утра»²⁹. В свете ее замечания становится понятным и указание рукописи № 43 о совершении данного бдения «*ἄνευ φωνῆς*», тождественного выражению русского Типикона «тихим гласом». Именно переутомление самих клириков-спудеев и ограниченное количество богомольцев за бдением, о котором говорит Этерия, в первую очередь вызвали своеобразный характер его отправления «без пения, но со смирением и великим страхом»³⁰.

Кто такие были монахи-спудеи? А.И. Пападопуло-Керамевс, впервые опубликовавший рукопись № 43, считал их французскими монахами из Амалфии, принадлежавшими к бенедиктинскому ордену, проживавшими в монастыре Sancta Maria Latina, основанном Карлом Великим и служившем странноприимницей для французских паломников ко святому Гробу³¹.

По поводу мнения А.И. Пападопуло-Керамевса следует заметить, что имеются исторические свидетельства о существовании в Иерусалиме монастыря спудеев задолго до времени Карла Великого. Кирилл Скифопольский говорит, что в пятьдесят шестом

году жизни преподобного Саввы патриарх Илия построил монастырь близ Епископии и поселил в нем спудеев святого Воскресения, которые были рассеяны близ столпа Давидова, выделив каждому жилью, имеющее все необходимое для телесного покоя³².

В житии преподобного Феодосия Киновиарха Кирилл сообщает, что когда преподобный пришел в Иерусалим, намереваясь посвятить себя иноческой жизни, то «его принял в столпе Давидове некий старец каппадокиянин Лонгин, который был одним из спудеев Святого Воскресения Христа Бога нашего»³³.

Из этих сообщений явствует, что монашествующие с именем спудеев (*σπουδαῖος* — ревностный, рачитель, от *σπουδαῖω* — усердствую, пекусь) существовали при иерусалимском храме святого Воскресения задолго до императора Карла Великого. Патриарх Илия, современник преподобного Саввы Освященного, построил для них близ храма Воскресения монастырь, оборудовав его всем необходимым для телесного отдыха; до этого же времени спудеи жили разрозненно около Давидова столпа. По словам преподобного Кирилла это было «в пятьдесят шестом году жизни святого Савы». Если преподобный Савва умер в 532 году девяносточетырехлетним старцем, в таком случае 56-й год его жизни или, что то же, год построения монастыря спудеев был 494-й.

В свете новейших открытий представляется возможным установить день освящения храма Богородицы в монастыре спудеев. В опубликованном протоиереем К. Кекелидзе иерусалимском канонаре под 11 августа значится: «Обновление в церкви Богородицы в монастыре спудеев — все найдешь (разумеется последование службы обновлению храма) 13 сентября»³⁴.

Что касается места расположения монастыря спудеев, то его достаточно точно определяет Аркульф (около 670 г.). В описании иерусалимских святынь он сообщает:

«De ecclesia Sancte Marie que rotunde coheret ecclesie. Ceterum de sanctorum structuris locorum pauca addenda sunt aliqua. Illi rotunde ecclesie supra sepius memorate que et anastasis, hoc est resurrectio, vocatur, eo quod in loco dominice resurrectionis fabricata est, ad dextram coheret partem Sancte Marie, matris Domini, quadrangulata ecclesia»³⁵. «О церкви Святой Марии, смежной с круглой церковью. Впрочем следует прибавить кое-что небольшое об устройстве Святых мест. По правую сторону часто выше упоминаемой круглой церкви, которая также зовется Анастасис, т. е. Воскресение, потому что построена на месте Воскресения Господня, сложена четырехугольная церковь Святой Марии, матери Господа».

Итак, по данным Аркульфа, церковь Богородицы спудеев была смежной храму Воскресения, находилась по правую сторону этого храма и, в отличие от его круглой формы, была четырехугольной. Что Аркульф говорит о церкви Богородицы спудеев, а не о другом каком-либо храме ее имени, подтверждается сообщением нашего русского паломника игумена Даниила, который, описывая иерусалимские святыни, также говорит о церкви Богородицы спудеев, как имеющей квадратную форму, причем указывает и место ее расположения близ Голгофы на расстоянии «яко полутора сажень». «И ту (т. е. недалеко от храма Воскресения), — говорит Даниил, — есть место на пригории; на то место притече скоро святая Богородица, тща се бо ся текущи вслед Христа и глаголаше в болезни сердца своего слезящи: «Камо идещи, чадо мое? Что ради течение се скорое твориши? Егда другой брак в Кана Галилеи, да тамо тщишия, Сыну и Боже мой? Не молча отъиди мене рожшаа тя, дажь ми слово рабе своей». И пришедши на место то святаа Богородица и узре с горы тоя Сына своего распинаема на кресте и видевши ужасеся и согнуся и седе, печалию и рыданием одержима беаша. И zde сбьсться пророчество Симеоне, яко прежь рече святей Богородице: «и се лежит на встание и на падение многим в Израили и тебе же самой оружие душу пройдет, егда же узриши Сына своего закалаема». Ту же стояху мнози на месте том, друзи и знаемии его, издалеча

зряще: Мария Магдалини и Мария Иаковля и Саломии, идеже стояху вси, иже от Галилея пришедше и с Иоанном и с матерью Иисусовою; стояху же вси знаемии друзи Иисусови, зряще издалеча, якоже пророк глаголет о том: друзи же мои и ближники моя издалеча мене сташа. И то место есть подаль от распятия Христова, яко полутора сажень есть на запад лиць место то от распятия Христова; имя месту тому Спудий, иже ся протолкуеть тщание Богородично. И есть на месте том ныне манастырь, церкви святаа Богородица клетьски верх въсперен»³⁶.

Сообщение игумена Даниила о Богородичном монастыре спудеев является в истории последним. Дальнейшая судьба этой обители покрыта мраком неизвестности. Очевидно, погром иерусалимских святынь, учиненный халифом Хакимом в 1009 году, сказался печально на богослужении храма Воскресения. Оно пришло к известному упадку; потеряли свое значение при нем и спудеи, забылись и те заслуги их в деле создания святогробского богослужения, какие они имели там со времени Этерии. Поэтому наш паломник само слово «спудей» пытается объяснить как «тщание Богородично», связывая историю монастыря с воспоминаниями о распятии Христовом.

В действительности история спудеев связывается с историей богослужения храма Воскресения Христова. Последний со дня своего освящения, 13 сентября 335 года, имея в себе величайшие христианские святыни — Крест и Гроб Господень, являлся постоянным местом паломничества христиан всех стран и национальностей. Благочестивая ревность паломников побуждала их к постоянному пребыванию в храме, независимо от того, совершалось ли в нем в это время богослужение или не совершалось. Из среды этих ревнителей явились люди, взявшие на себя подвиг занятия собратий молитвой в храме во внебогослужебное время. Отдав себя всецело этому подвигу, они свое успешное служение естественно сочетали с девством. Этих девственников или монашествующих видела постоянно в храме занимающими богомольцев молитвой в отсутствие епископа и его клира Этерия. Как видно из сообщения Кирилла Скифопольского, жили эти монашествующие рассеянно, близ столпа Давидова. Патриарх Илия, учитывая то громадное значение, какое имели эти ревнители храма Воскресения, или, как их называли, спудеи, построил для них вблизи храма монастырь в честь Пресвятой Богородицы, оборудовав его всем необходимым для телесного отдыха монахов после длительных богослужений в храме.

Насколько важное значение имели спудеи в истории богослужения иерусалимского храма Воскресения, можно видеть из того, что византийские императоры, начиная с Константина Великого, в своем стремлении уподобить новую столицу Иерусалиму, создавая в ней храмы и другие святыни по образцу иерусалимских, построили и монастырь спудеев. Ансельм Бандури сообщает следующее предание о постройке монастыря спудеев в Константинополе. Так называемый монастырь спудеев соорудила императрица Анна, жена Льва Исаврянина. Беременная она возвращалась из Влахерн и в это время, когда пришла пора ей разрешаться, она, войдя в дом некоего протоспафария, родила там. Создав же монастырь, назвала его Спудеевым, ибо, торопясь, там родила, не дойдя до дворца. Посвятила же Анне³⁷. Петридис считает предание о построении монастыря спудеев в Константинополе императрицей Анной необоснованным, легендарным. Он полагает, что константинопольские спудеи ведут свое начало от преподобного Авксентия, об одном из учеников которого, Анфиме, Феодор Чтец пишет, что тот установил всеобщие бдения³⁸. Свое предположение Петридис подтверждает сообщениями Георгия, ученика преподобного Авксентия, который называет монахов преподобного Авксентия спудеями. В одном случае Георгий упоминает о спудеях монастыря преподобного Авксентия, когда говорит об особенном к нему уважении окружающих среди других спудеев³⁹. В другом случае Георгий, рассказывая о милосердии Авксентия, когда тот отдал просившему у

него иноку рубашку, говорит, что последний принадлежал к спудеям⁴⁰. Созомен, лично знавший преподобного Авксентия, говорит, что он имел мужество спудея⁴¹. На основании этих данных Петридис считает преподобного Авксентия и его учеников Маркина и Анфима (V век) константинопольскими спудеями⁴². Архиепископ Сергей также называет преподобного Анфима монахом константинопольского монастыря спудеев⁴³.

Константинопольские спудеи, подобно святогробским, принимали участие в богослужении константинопольского патриарха. Так, Дрезденский список устава Великой Константинопольской церкви № 104 — XI века в изложении чина «тритекти», совершаемого патриархом в среду и пятницу сырной недели, упоминает об участии в нем спудеев: «совершается вход по произношении молитвы «Благословен вход» и спудеи поют «Славу» после того, как архидиакон подаст им знак»⁴⁴. Спудеи же участвуют в службе «тритекти» в понедельник первой недели поста: «бываему входу дается знак так называемым спудеям и поют Славу и бывает ектения и по возгласе патриарха поют певцы»⁴⁵. В этом замечании типикона характерно выражение «*τοις λεγομένοις σπουδαίοις*», «так называемые спудеи». Это намек на их иностранное для Константинополя происхождение.

Святогробские монахи-спудеи в своем богослужении руководствовались особым уставом, отличным от того устава, по которому отправлялось богослужение патриархом и его клиром и который излагается в рукописи № 43 1122 года. На это указывает сам данный памятник, где в службе Недели ваий говорится, что спудеи доканчивают прерванное приходом патриарха в храм Воскресения бдение в своем Богородичном монастыре, по уставу, какой есть у них (*καθώς ἐστὶν ὁ τύπος αὐτῶν*)⁴⁶.

Что представлял собой их устав в целом — неизвестно, так как записей его не сохранилось. Мы можем установить лишь отдельные его особенности, правда, принципиального характера, отличавшие его от устава, которым руководствовался в храме Воскресения патриарх и его клир. Первой такой особенностью устава спудеев было наличие в нем чина всенощного бдения. Патриарх не отправлял всенощного бдения.

Как видно из изложения службы в Неделю ваий, он отправлял вечерню и оставлял храм, затем снова приходил в него к утрени. Спудеи же приходили в храм по окончании в нем патриархом вечерни и совершали всенощное бдение до прихода к утрени патриарха. С приходом последнего они оставляли храм, переходили в свой монастырский храм Богородицы и там заканчивали чин всенощного бдения⁴⁷.

Святогробский типикон называет совершаемое спудеями бдение в Неделю ваий всенощным бдением по уставу недельной агрипнии — *καθώς ὁ τύπος κατὰ κυριακῆς ἀγριπνίας*, давая этим понять, что данный порядок богослужения имел место не только в Неделю ваий, но и на каждый воскресный день⁴⁸.

В изложении службы Великой субботы типикон также предписывает спудеям совершать с вечера Великого пятка всенощное бдение, тогда как патриарх с клиром совершает в самую субботу утреню⁴⁹.

Итак, чин всенощного бдения составлял одну из особенностей устава святогробских монахов-спудеев.

Другую особенность этого устава составляла скромность и простота отправления богослужения, лишенная той помпезности, какую имело святогробское патриаршее богослужение. Святогробский типикон упоминает участвующими в сослужении с патриархом митрополитов⁵⁰, первого и второго⁵¹, третьего и четвертого священников⁵², второго (священника) святой Голгофы⁵³, второго святого гроба Богородицы в Гефсимании⁵⁴, протодиакона и архидиакона⁵⁵, второго диакона⁵⁶, третьего диакона⁵⁷, особого лица, помогавшего патриарху при его облачении в священные одежды и заведывавшего фимиамом, ароматами и розовой водой, употребляемыми при его служении

— кантрисия⁵⁸, наблюдателя патриарших церквей, монастырей, а равно его облачений — сакеллария⁵⁹, пономаря⁶⁰, лиц, на обязанности которых было сопровождение патриарха в храм, очищение его пути от скопления народа и прислуживание за богослужением — депотатов⁶¹, лица, ведающего порядком в храме во время богослужения — базиликарха⁶², диаконисс и иподиаконов⁶³, чтецов⁶⁴ и особого института мироносиц⁶⁵, на обязанности которых было омовение лампад на святом гробе и зажигание их, помазание святого гроба миром и ароматами, каждение его, каждение патриарху и его приветствование. Многие из этих должностных лиц, в силу своей многочисленности, делились на ранги: двенадцать архиереев или архонтов⁶⁶, двенадцать диаконов, других двенадцать диаконов, еще других двенадцать диаконов⁶⁷, четырнадцать рядовых иподиаконов и двенадцать носящих подсвечники⁶⁸.

При таких многочисленных штатах отдельные обряды носили исключительно торжественный церемониальный характер. В рукописи № 43 1122 года церемониал перенесения сосуда со святым миром в храм после его приготовления для освящения в Великий четверг описан так: «Сначала выходят депотаты, затем певцы, затем 14 рядовых иподиаконов, 12 иподиаконов, несущих подсвечники со свечами, 12 диаконов, идущих с кадилницами, и других 12 диаконов, несущих золотые скипетры, и еще других 12 диаконов, несущих 12 золотых и серебряных рипид, затем патриарх с двумя епископами, поддерживающими его под руки с той и другой стороны, и пресвитеры, несущие святой сосуд с миром, покрытый светло-золатым воздухом, края которого несут 4 диакона. И так предносится, пока не придут к святым вратам и архидиакон скажет...»⁶⁹.

Естественно, что спудеи, прямой целью которых было занятие богомольцев молитвой в храме при отсутствии в нем патриаршего богослужения, не имели ничего подобного. Их богослужение носило скромный характер как со стороны обрядов, входящих в него, так и со стороны способа его отправления. В Великую субботу они совершают всенощное бдение без пения, но со смирением и великим страхом. Нужно полагать, что эта скромность в отпращивании богослужения составляла характерную особенность устава спудеев в целом.

Скромное богослужение спудеев, лишённое той торжественности и помпезности, какие постепенно создавались в богослужении патриарха по мере возвышения его иерархического престижа, тем самым сохраняло священные традиции, создававшиеся в храме Воскресения в естественном ходе становления христианского богослужения. Устав спудеев таким образом, сравнительно с патриаршим, в большей степени сохранял простоту раннего иерусалимского богослужения. Это третья особенность устава монахов-спудеев.

Возможно, что устав монахов-спудеев отличался от святогробского патриаршего порядком отпращивания кафизм (разумеется, когда они вошли в богослужебную практику иерусалимского храма Воскресения). Так можно полагать на основании указания рукописи № 43 1122 года о двойной практике чтения кафизм на страстной седмице: «должно знать, что стихология бывает на утрени две (кафизмы), на первом же часе, а также на девятом не бывает, но только на 3-м и 6-м. Стихословим же ежедневно на вечерне и в святой и Великий четверг на утрени одна кафизма и на часах две и так исполняется псалтирь и от сего (дня) стихологии не бывает, но только в Великую субботу на агрипнии». Вслед за изложением этого порядка чтений дан другой: «и еще по другому уставу: поют ежедневно по три кафизмы на утрени и по две на часах и исполняют псалтирь в Великую среду на часах»⁷⁰.

Профессор А. А. Дмитриевский считает первый порядок чтения кафизм патриаршим, а второй — принадлежащим спудеям⁷¹.

Итак, монахи-спудеи, «всегда готовые на бдение ради собирающегося множества», создали на основе иноческого келейного правила чин агрипнии, а вместе с ним и свой устав, чуждый помпезности патриаршего богослужения, и тем самым положили начало образованию палестинского монастырского устава, известного под названием иерусалимского.

Примечания

¹ Писания святых отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения. Т. II. СПб., 1856. С. 404–405.

² Преподобный Кирилл Скифопольский († 557 г.), сын управителя епископского дома в Скифополе (в Галилее), будучи отроком, удостоился благословения преподобного Саввы, когда тот приходил в Скифополь. Преподобный Савва назвал его «своим учеником и сыном пустынных отцов». Вторично Кирилл видел преподобного Савву, будучи юношей, когда тот приходил к авве Прокопию. Из монастыря аввы Прокопия Кирилл перешел в лавру преп. Евфимия. Через 22 года после смерти преп. Саввы он перешел в его лавру по настоянию преп. Иоанна Молчальника. Последний, будучи близким другом преп. Саввы, рассказал Кириллу о его жизни и поручил ему написать все это, что Кирилл и сделал, дополнив сведения, полученные от преп. Иоанна, теми, которые он собрал от других очевидцев и учеников преп. Саввы (Соколов И.И.. Кирилл Скифопольский//Богословская энциклопедия. Т. X. СПб., 1909. Колонки 279–285).

³ Помяловский И. Житие святого Савы. Гл. 76.

⁴ Филарет, архиепископ Черниговский. Исторический обзор песнопевцев и песнопения Греческой Церкви. Чернигов, 1864. С. 210.

⁵ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел 3. Ч. 1: Книги богослужебные. М., 1869. С. XII.

⁶ Сергей, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Том 1. Владимир, 1901. С. 136–137.

⁷ Мансветов И. Церковный устав. М., 1885. С. 175.

⁸ Антонин, архимандрит. Записки синайского богомольца//«Труды Киевской духовной академии», 1873, март. С. 426–427.

⁹ «Правила» привожу в русском переводе проф. А. Дмитриевского из его книги «Путешествие по Востоку и его научные результаты», Киев, 1890. С. 171–193. Греческий текст «Правил» издан им же в «Описании». Т. 1. С. 222–224.

¹⁰ Помяловский И. Житие св. Савы. Гл. 32.

¹¹ Православные грузины появились в Палестине в IV веке. В этом веке грузинский царь Мириан приобрел в Палестине землю, а Вахтанг I Горгасал (446–499), посетив святые места, построил на купленной Мирианом земле монастырь для грузин. В середине VI века грузины наполняют лавру преп. Саввы и составляют преобладающий элемент среди прочей братии. Они занимают предоставленную преп. Саввой для армян Богозданную церковь, так что «сама великая лавра сделалась как бы грузинским монастырем» (Олтаржевский Феодосий, иеромонах. Палестинское монашество с IV до VI века. СПб., 1896. С. 109//Палестинский сборник. Вып. 44.).

¹² Кирилл пишет, что «Савва постановил, чтобы в субботу собрание было в церкви, созданной Богом, а в воскресный день в церкви Богоматери, и положил, чтобы в обеих церквях во всякий воскресный и Господский праздник было непрестанно бдение с вечера до утра (*ἀπαράλειπτως ἀπὸ ὀψέως πρὸς ἄγρυπνίαν*)». — Помяловский И. Житие св. Савы. Гл. 32.

¹³ Кирилл пишет, что преподобный Савва во всем старался подражать жизни преп. Евфимия Великого, который в отдание Богоявления (14 января) удалялся из лавры в пустыню, где пребывал до Недели ваий. Преп. Савва немного изменил этот обычай, поскольку 17 января совершалась память преп. Антония Великого, а 20-го — преп. Евфимия. Савва покидал лавру в день памяти преп. Евфимия и пребывал в пустыне без всякого общения с людьми до Недели ваий (*ἕως τῆς τῶν βάλων ἑορτῆς*). — Помяловский И. Житие св. Савы. Гл. 22.

¹⁴ Помяловский И. Житие св. Савы. Гл. 19, 34, 36 и др.

¹⁵ Там же. Гл. 28.

¹⁶ Там же. Гл. 30.

¹⁷ Там же. Гл. 50–55.

¹⁸ Там же. Гл. 70–74.

¹⁹ Этерия. Гл. 24.

- ²⁰ Там же.
- ²¹ Там же.
- ²² Там же.
- ²³ Там же.
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ См. выше сноску 120 к первой главе.
- ²⁶ Пападопуло-Керамевс А. Аналекта, 2. С. 3.
- ²⁷ Там же. С. 7.
- ²⁸ Там же. С. 161–162.
- ²⁹ Этерия. Гл. 37.
- ³⁰ Дмитриевский А. Древнейшие патриаршие типиконы. С. 88.
- ³¹ Пападопуло-Керамевс А. Аналекта, 2. Предисловие. С. 9.
- ³² Помяловский И. Житие св. Савы. Гл. 31.
- ³³ Житие аввы Феодосия Киновиарха. Палестинский патерик. Вып. VIII. СПб., 1895. Гл. 1.
- ³⁴ Кекелидзе К. Иерусалимский канонарь. С. 123.
- ³⁵ Аркульфа рассказ о Святых местах, записанный Адамнаном, около 670 года. «Православный палестинский сборник». Вып. 49. СПб., 1898. С. 9.
- ³⁶ Житье и хоженье Данила, Русьскыя земли игумена. СПб., 1883. С. 23–24.
- ³⁷ (Praeterea templus S. Annae condidit). Imperium orientale sive antiquitates Constantinopolitanae... Opera et studio Domni Anselmi Banduri. Paris, 1711. Т. 1. Pars. III. Lib. II. P. 39.
- ³⁸ Феодор Чтец. Церковная история. СПб., 1853. С. 511.
- ³⁹ Migne. P. G. Т. 114. Col. 1380.
- ⁴⁰ Там же. С. 1381.
- ⁴¹ Migne. P. G. Т. 67. Col. 1484.
- ⁴² Petrides S. Le monastere de Spoudaei a Jerusalem et les Spoudaei Constantinople. «Echo d'Orient». Paris, 1901. No. 4. P. 226–232.
- ⁴³ Полный месяцеслов Востока. Т. II. С. 213.
- ⁴⁴ Дмитриевский А. Древнейшие патриаршие типиконы. С. 324–325.
- ⁴⁵ Там же. С. 325.
- ⁴⁶ Пападопуло-Керамевс А. Аналекта, 2. С. 7.
- ⁴⁷ Там же. С. 3 и 7.
- ⁴⁸ Там же. С. 3.
- ⁴⁹ Там же. С. 162.
- ⁵⁰ Там же. С. 10, 108.
- ⁵¹ Там же. С. 105, 162, 189.
- ⁵² Там же. С. 76 и 96.
- ⁵³ Там же. С. 21.
- ⁵⁴ Там же. С. 181.
- ⁵⁵ Там же. С. 184, 188, 191, 200.
- ⁵⁶ Там же. С. 101, 200.
- ⁵⁷ Там же. С. 101.
- ⁵⁸ Там же. С. 184.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же. С. 179 и 184.
- ⁶¹ Там же. С. 102.
- ⁶² Там же. С. 3.
- ⁶³ Там же. С. 199.
- ⁶⁴ Там же. С. 102.
- ⁶⁵ Там же. С. 179 и 191.
- ⁶⁶ Там же. С. 99.
- ⁶⁷ Там же. С. 102.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Там же.
- ⁷⁰ Там же. С. 32.
- ⁷¹ Дмитриевский А. Древнейшие патриаршие типиконы. С. 111–112.

